

ТАХИР И ЗУХРА

Записано поэтом Сеиди в Бухаре в XVI веке

Поет бахши для молодой страны
Сказание далекой старины.
Его дутар, векам ведущий счет,
Большую песню о любви поет.

Бог единый - вот начало всех начал,
Тем опора, кто душой не измельчал.
Бог единый! Дай умения перу,
Чтоб поведать про Тахира и Зухру.
О Аллах, мой труд, прошу, благослови,
Озари мое лицо огнем любви.
Горе мне: на глаз остер, но нищ язык.
"Помоги!" - к тебе взываю, как привык.
Я труды других поэтов изучал -
И во всех, Аллах, я свет твой различал.
Я познал Якуба горестный удел,
Я с Юсуфом в заточении сидел.
Тридцатидвухлетний срок преодолен.
И наукам, и хадисам слал поклон.
Назидал я тех, кто медлил и петлял,
А влюбленных добрым словом окрылял.
Сам любил. Был верен кузнице отца -
И, хромой, ковал железо без конца.
Я оплакивал Тахира и Зухру:
О Аллах, даруй умения перу!
Как Тахир, страдают многие у нас,
И сердца кровоточат у них подчас.
Как Зухра, сгорают многие дотла
В этом мире, где безбрежны силы зла.
Кто любовь в железной смел держать узде,
О грехах своих узнают на суде.
Жар любви лишит их зренья на пути,
К саду райскому вовек им не прийти.
Мы же будем помнить это, как урок,
Чтобы праведными свет покинуть в срок.
Проследим же путь Тахира и Зухры:
К молодым да будут судьбы их добры!
Бог единый - вот начало всех начал,
Так внимайте же, пока не замолчал.

Сказывают, жил некогда владетельный хан Бабахан. Все у него было - и

богатство, и воинство, но, несмотря на все щедроты судьбы, не ведал он душевного покоя: не было у него детей. Думы о том, что после своей кончины он не оставит сына, который правил бы его ханством, порой приводили хана в неистовство.

Он с куполом златым владел дворцом,
Но горевал, что стать не мог отцом.
Его добра никто не смог бы счесть,
Шел слух: "Навряд ли хан державней есть!"
Уже и старость в дом пришла к нему,
Но нет детей. Весь мир ушел во тьму.
Для хана дети радость, для слуги,
А без детей не видно нам ни зги.
Они - опора даже для вдовца,
А что без них роскошество дворца?
Ему пытались знахари помочь,
Но тщетно все, беды не превозмочь.
Хан и казну готов был растряссти,
Наследника бы только обрести.

Так проходили годы. Бабахан окончательно потерял веру в людей и не ждал уже милости и от самого Аллаха.

За городом у него раскинулся чудесный сад, слава о котором распространилась далеко за пределы ханства. Какие бы горести ни томили сердце, стоило только войти в этот сад, как все печали отступали и душа наполнялась добрыми предчувствиями и сладкими надеждами. Только здесь убитый горем Бабахан мог забыть о своих невзгодах; только отсюда он возвращался в город, обретя душевный покой.

Однажды, пригласив с собой визиря, хан в очередной раз отправился в любимый сад. По дороге им встретился немощный нищий старик. Хан и визирь остановились, но нищий не попросил милостыни, а сказал:

- От имени того, кто даст мне тысячу золотых, сотворю молитву, и сбудутся его самые заветные пожелания.

Хан обернулся к визирю и заметил:

- Немало знахарей я одаривал, да толку от этого не было. Может, на этот раз Аллах смилостивится, услышит молитву этого старца! Дам я ему тысячу золотых. Если бы появился наследник, то и тысячу тысяч не пожалел бы! Дал хан монеты нищему, попросил сотворить молитву.

Как хан, визирь отцовства был лишен,
Вся жизнь, казалось, лишь протяжный стон.
Он хану со слезами на глазах
Поведал, что от горести зачах.
"Великий хан, любимый властелин!
В бездетности удел у нас один.

Хоть золота в мешках у нас полно,
Но лишь проклятьем кажется оно.
Засохли мы с тобой, как дерева...
Что наша жизнь? Пожухлая трава!"
Бахир терпенья птицу упустил,
На землю пал, крича что было сил:
"За что горим? За что казнишь, Аллах?
Одна зола в холодных очагах!
Слуг верных пожалей ты, наконец,
Согрей детьми пустынную их сердец!
Что в мире есть прекрасней, чем дитя?
Познаем рай, потомство обрета!
Дойдет молитва - в пору льду кипеть,
Но без детей нам камни грызть и впредь!"
К земле припав, он небо молит вновь,
А бороду не слезы моют - кровь.
Печаль свою поведал каждый сам.
Казалось, небо вняло их мольбам.
Молились рядом, как, служа стране,
Плечом к плечу стояли на войне.
Аллах мольбы услышал, наконец,
И черный узел с бедных снял сердец.

Достигнув сада и спешившись, они увидели под деревом человека в белом, перед которым на белом же покрывале лежало множество книг. Глаза у него были прикрыты, и он казался отрешенным от всей мирской суеты.

Хан подошел к нему и поздоровался.

- Кто ты? И о чем говорится в твоих книгах? - спросил он.

- Я звездочет и прорицатель, - отвечал незнакомец. - Читаю небо, как книгу, и узнаю, что на сердце у человека.

- Узнай, что у меня на сердце, - сказал хан. - Тогда я поверю, что ты в самом деле прорицатель.

Тот протянул ему перо:

- Поведай ему, что у тебя на сердце, а я угадаю все твои мечты и заботы.

Хан взял перо и шепнул ему: "О Всевышний! Будет ли у меня когда-нибудь ребенок?" Затем он передал перо визирю, и тот тоже попросил Аллаха вознаградить его потомством.

Звездочет-прорицатель, получив перо обратно, начертал на свитке некие надписи и вывел на нем ряд чисел. Затем обернулся к ним:

- Один из вас - хан, а другой - его визирь. Вы оба бездетны, и от этого сердца ваши полны печали. Все ваши мечты и устремления об одном - обрести потомство.

Хан и визирь обрадовались.

- Ты доказал нам свою прозорливость, свое призвание, - сказали они, по очереди пожимая ему руку.

Он к свитку обратил свой мудрый взор,
Затем его к светилам он простер.
Все тайны неба с легкостью постиг
И с ними поделился в тот же миг:
"Есть новая звезда в семье планет,
Устойчив ее ход и ярок свет.
То весть о том, что сгинет ваша ночь:
Узрите скоро сына или дочь.
Молитву пусть возносит тот, кто рад, -
Обоим вам дарует небо чад.
Коль мальчики родятся в должный срок,
Дружить до гроба им поможет Бог.
Из одного сосуда им пивать
И вместе тайны мира познавать.
Да будут их сердца всегда чисты,
Да будут вечно светлыми мечты.
А дочери родятся - две луны, -
Как сестры, будут век они дружны.
Пусть чистота сияет в их сердцах,
Пусть души их всегда хранит Аллах.
А коль у одного родится сын,
А у другого - дочь, то путь один:
Узнав, чего желают их сердца,
Пребудете близки вы до конца.
Любовь лишь небу ниспослать дано,
И этому противиться - грешно.
Тогда влюбленных только гибель ждет,
А в Судный день отмщение грянет.
Мир в жизни вам, и радость, и успех!
Да будет уготован рай для всех!"
Хан молвил: "Если сына, наконец,
Увижу, то ждет вестника дворец!
Я дочь Бахира сделаю снохой
Пред тем, как удалиться на покой.
А если дочь Аллах решит мне дать,
То ей, Бахир, твоей невесткой стать".
Бахир сказал в ответ: "Мой хан,
У нас различны кровь и сан,
Я - твой слуга, ты - господин,
Как дочь твою возьмет мой сын?
Но, твой визирь, я твоему
Всегда послушен был уму,
И, коль ты истину изрек,
Не человек ты, а пророк!"

А Бабахан сказал в ответ,
Что он исполнит свой обет.
Пожатье рук с тех самых пор
Скрепило этот договор,
Что скоро исполненья ждет,
Чему свидетель - звездочет.

Прорицатель, довольный решением хана, достал яблоко, разрезал его и предложил обоим съесть по половине. Он скрепил их договор молитвой, а затем поздравил их. Удивленные хан и визирь решили между собой одарить звездочета тысячей золотых, но тот в мгновение ока исчез, как исчезло и его покрывало вместе с книгами. Их словно и не бывало. Долго искали они звездочета, но так и не нашли. К вечеру хан и визирь вернулись домой. Поужинав и сотворив намаз, оба отошли на покой. В эту же ночь их жены понесли. Через девять месяцев Аллах вознаградил Бабахана дочерью, а Бахира - сыном.

Ниспослал Аллах страдальцу чудо-дочь,
Смог ему любовью щедрою помочь.
Различался в ней свет солнца и луны,
Все, кто видел, изумления полны.
Барабаны били, радость не тая,
Весть о чуде разнеслась во все края.
Хан от счастья словно сам помолодел,
Пир в честь дочери устроить повелел.
Чтоб ей имя дать - большое торжество! -
К нему съехались все родичи его.
Поразил всех своей щедростью Бахир,
С колыбелью золотой придя на пир.
Восхищен был дочкой каждый из гостей,
Долго имя все подыскивали ей.
Чтобы споры прекратить в конце концов,
Даже знахарей призывали и певцов.
Толковали с ними с ночи до утра,
Порешили: имя лучшее - Зухра.

На быстрых крыльях пролетели годы. Молва о небывалой красоте Зухры докатилась до самых отдаленных окраин ханства.

Нежнейшим был лица ее овал -
Мир красоты подобной не знавал.
Жемчужинами черными глаза
Сияли, ослеплением грозя.
Ее румянец был, как свет зари, -
Нет, не опишешь, что ни говори!

Художник нужен, чтоб изгиб бровей
Изобразить; и только соловей
Сумел бы ее речи подражать,
А стан ее тростинке был под стать,
Цвет губ напоминал тех ягод цвет,
Свежей которых в целом мире нет.
Любой из Хансарая - стар и млад -
За жизнь ее свою отдать был рад.
По сорок няnek с каждой стороны
Ей были угождать во всем должны.
Знать во дворец сзывает Бабахан,
И сад его опять благоухан.

И Бахир на склоне лет вознагражден -
Хоть и поздно, но обрел дитя и он.
Пусть бы каждый, кто рождается, был здоров,
Как Бахира сын, являсь под отчий кров.
Получив с небес какой-то тайный знак,
В тот же миг Бахир жене промолвил так:
- Наречем Тахиром сына своего,
И да сбудутся все помыслы его.
Мой орленок, соловей мой, мой джигит,
Он Аллаху всей душой принадлежит.

Лучшие кормилицы при служанках вскармливали Тахира и Зухру. Уже с двухлетнего возраста они играли только вместе, всегда искали друг друга, а если не находили, отчаянно плакали. Достигнув семи лет, они с помощью назначенного им наставника стали постигать суть вещей и явлений мира. Все поражались редкостным способностям этих малышей. Вместе учась и играя, они относились друг к другу как брат и сестра.

Тахиру было от роду семь лет,
Когда его отец покинул свет.
Достойно проводил Бахира хан,
Почтил визиря честь, заслуги, сан.
Он долго поминал его добром,
Гордясь своим духовным с ним родством.

Зухра стала испытывать некую тягу, влечение к Тахиру. Что не удивительно - ведь на всем свете не сыскать подобной пары.
Любовь Зухры росла с каждым днем, лишая ее терпения, спокойствия, кротости. Однажды, когда Тахир спал, она тихонько подошла к нему, поцеловала в румяную щеку и тут же отбежала. Тахир, однако, проснулся и глянул вслед красавице, которая как ни в чем не бывало собирала цветы.
- Что за шутки, Зухра? Или ты позабыла, что мы брат и сестра?

Зухра, смутившись, уронила букет и бросилась к себе. С тех пор она, стесняясь Тахира, стала являться на учебу одна. Но чем сильнее старалась она отдалиться от юноши, тем жарче разгоралась ее любовь.

В один из дней она вновь подошла к спящему Тахиру и нежно провела ладонью по его щеке. Тахир мгновенно проснулся: она стояла возле него на коленях. Сочтя такое поведение непристойным и дерзким, Тахир ударил ее по щеке. В ту ночь, терзаясь своим положением, Зухра говорила прерывистым голосом:

Любовь пришла, отчаяньем душа.
Я вся в слезах, живу едва дыша.
Бессонница мои сжигает ночи.
За что страдает юная душа?
Придет ли помощь? Можно лишь гадать.
Не знаю я, чего мне завтра ждать.
Нельзя ли половину этой муки
Мне милому Тахиру передать?
Ужель ему не жаль меня ничуть?
Ужель не видит, как пылает грудь?
Нельзя ль хоть частью этого недуга
С Тахиром поделиться как-нибудь?
Огня любви не зная струй тугих,
Страданья не познав от сих до сих,
Поймет ли он накал моих мучений
Без откровений, Господи, твоих!
О, Устроитель судеб на века!
О, Утешитель! Доля нелегка!
Не вижу я конца своим мученьям,
Просвета не обещано пока.
Встречаю дни с молитвой на устах -
Надежда никогда не канет в прах.
Избавь меня от этого недуга,
Прошу тебя я трепетно, Аллах!

Половина любви, ниспосланной Зухре, отошла к Тахиру и принялась все сильней и сильней его терзать. Несчастный, не находя себе места, повсюду искал свою Зухру. И дни, и ночи влюбленные, не желая ни пить, ни есть, проводили в тоске и мучениях. Сладкоголосый Тахир, что пел, состязаясь с ветрами и реками, с пернатыми певуньями и тихим шелестом листы, загрустил, и песни его стали печальными. От этого загрустили и деревья, и ручьи меж ними, и лани лесные. Одна лишь Зухра делала вид, что ей ни о чем неведомо.

Бабахан по рождении Зухры велел построить в чудном саду дворец для нее, чтобы милая дочь могла проводить там часы досуга так же счастливо, как он сам.

Однажды Зухра, наигравшись с подружками, решила прогуляться по этому цветущему саду. Напевая грустные песни, она присела под одним из деревьев.

Тахир, весь как в огне, прижимая к груди ладонь, чтобы унять бешено стучащее сердце, последовал за Зухрой и склонился над нею. Познав муки внезапной любви, Тахир понял, что Зухра ему не сестра. Она - дочь всесильного хана, а он - сын его визиря. Зухра, не глядя на Тахира, пропела:

Попутчик мой, что дан мне навсегда,
Душевный друг, горю я от стыда.
Тахир мой нежный, убери ладони,
Ведь ты мне только брат, вот в чем беда.

Тахир

Да, я попутчик, я твой нежный друг,
Но как понять внезапный твой испуг?
Визиря сын, скажи ты мне на милость,
Как хана дочке братом станет вдруг?

Зухра

Зеницей ока чтिला я тебя,
Любой твой вздох, любой твой шаг любя.
Но помнишь, как пощечиной ответил
На чувство, навсегда его губя?

Тахир

Познал я жар любовного костра -
Ты видишь, как я таю в нем, Зухра?
Прости меня за то, что я ошибся, -
Не ведал я, что ты мне не сестра.

Зухра

Любовь моя безбрежнее стократ,
Чем море, - это слезы подтвердят.
Тахир, ты весь - души моей движенье,
Отныне ты любимый, а не брат!

Тахир

Когда вишневый сад омает свет
И вишня расцветет, прекрасней нет

Мгновения - лишь встреча двух влюбленных
Сердец сравнится с ним в потоке лет!

С этими словами Тахир обнял Зухру, крепко прижав ее к своей груди. Влюбленные души обрели друг друга. Яркий румянец вспыхнул на бело-розовом лице смущенной Зухры. Отвечая ласкам Тахира, она обвила руками его шею, не в силах скрыть пылающего чувства. Затем, взявшись за руки и напевая песни любви, они отправились на занятия. От доброго наставника не укрылась приподнятость их духа, которая не замедлила проявиться и на уроке: голоса обоих были куда прозрачней и чище, чем когда-либо. А при малейшей возможности они обращались друг к другу со словами, полными нежности ликующей любви. Красота их сияла еще лучезарнее, чем в годы ранней юности. Когда они снова встретились у золотого чертога, Тахир, терзаемый душевными муками, произнес такие слова:

Зухра моя, ты крови моей зов,
Ты сердце избавляешь от оков.
Всю душу, что дарована мне Богом,
Я в жертву принести тебе готов.
Зухра
Тахир, меня ты смог заморозить,
Тебе я буду преданно служить.
Ты сам давно моею стал душою,
Мне без тебя минуты не прожить.

Тахир

Но ждет ли счастье нас? Дочь хана ты,
Притом - невероятной красоты!
Что, если твой отец меня не примет,
Разрушит наши светлые мечты?

Зухра

Любимый, без тебя вся жизнь как ночь,
Лишь ты развеять мрак сумел помочь.
Не думаю, что мой отец заставит
Рыдать свою единственную дочь.

Тахир

Знай: если мне в другом пылать огне,
Другую полюбить придется мне,
То пусть своей мечты я не достигну,

Пускай она покоится на дне!

Зухра

А если я подумаю о другом,
Пусть станет целый мир моим врагом!
Мне рай вовек пристанищем не станет,
И только ад разверзнется кругом.

С этими словами Зухра набрала в ладони воды из родника, облицованного мрамором, и напоила ею пылающего Тахира. Испив воды, тот прижал руки Зухры к своей груди и промолвил:

Зухра, моя ты радость, вот ты где!
Ты - лебедь на предутренней воде.
Коль без тебя останусь в этой жизни,
То большей не бывать со мной беде!

Подобно Зухре, он набрал в ладони воды и напоил ею свою возлюбленную. А та, прижав к груди ладони Тахира, промолвила:

Тахир, мое сокровище, поверь, -
Вконец ты покоришь меня теперь.
Я лишь тогда свое нарушу слово,
Когда за мною смерть захлопнет дверь.

Тахир

Зухра, ты видишь, слез я не сдержу!
Вовек не уподоблюсь я ужу,
Решенье изменю свое тогда лишь,
Когда на плахе голову сложу.

перевод Георгия Яропольского